

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 811.161
doi: 10.17223/19986645/76/1

Состязание – игра – ритуал: о трех аспектах коммуникативного взаимодействия в зале суда

Ольга Александровна Богинская

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия, olgaa_boginskaya@mail.ru*

Аннотация. Объектом исследования являются дискурсивные практики в зале суда. Предметом выступает агональность, исследуемая в трех аспектах: суд как состязание, суд как игра и суд как ритуализированное пространство. Показано, что аспекты агонального дискурсивного взаимодействия – состязательный, людический и ритуальный – взаимосвязаны и в совокупности определяют сущность коммуникативного взаимодействия участников судебного процесса.

Ключевые слова: агональность, судебный дискурс, состязание, игра, ритуал

Для цитирования: Богинская О.А. Состязание – игра – ритуал: о трех аспектах коммуникативного взаимодействия в зале суда // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 5–27. doi: 10.17223/19986645/76/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/1

Competition – game – ritual: Three aspects of communicative interactions in the courtroom

Olga A. Boginskaya

*Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation,
olgaa_boginskaya@mail.ru*

Abstract. The article aims to identify and describe key aspects of agonal interactions in the courtroom and rhetorical strategies employed by prosecutors and defense attorneys in this context. Key aspects of agonal courtroom interaction – adversarial, human and ritual – were described. The study revealed that adversariality is realized through discredit, refutation and objection. The study showed that courtroom interactions are based on the conflict of intentions of the competing parties whose purpose is to win the struggle. The prosecutor aims at proving the defendant’s guilt, while the defense attorney aims to prove the defendant’s innocence. Persuasion is realized through a combination of adversary strategies. In order to prevent the

opponent from violating communicative maxims, attorneys employ the strategy of objection verbalized through performative verbs, performative nominations or performative constructions. The study revealed that the features of game (participants, entertainment, rules and scenarios) are inherent in courtroom discourse, which indicates its ludic nature. The struggle between lawyers (participants) is observed by spectators in the courtroom. The jurors identify the winner, and the judge ensures the observance of rules. The ritual is an integral part of both the game and the competition and determines the nature of a sacred activity whose formal goal is to restore justice and the actual one is to choose the winner. The study demonstrated that all aspects of agonality – adversarial, human, and ritual – are interrelated: competition is a sign of the game, and ludic elements are an integral characteristic of any competition as a product of culture; both competition and game are governed by rules and involve at least two participants. The study based on the Russian- and English-language materials revealed shared patterns in the agonal interaction in the context of two different linguistic cultures and helped verify the research hypothesis, excluding the influence of systemic aspects of one language. The study proved that the choice of rhetorical strategies is not reliant on linguistic cultures, which indicates the high intercultural potential of agonality as a complex category of courtroom communication. Research into the agonal nature of courtroom interactions in non-prototypic communicative situations seems to be promising. An analysis of the correlation of various strategies of agonality in the courtroom discursive practices can also be an avenue for research. Since agonal rhetorical strategies are not limited to those revealed in the present study, further research into this issue can expand the list and lay the theoretical basis for a linguistic theory of agonality as a complex communicative category in the context of multidirectional intentions of communicants.

Keywords: agonality, legal field, courtroom discourse, competition, game, ritual

For citation: Boginskaya, O.A. (2022) Competition – game – ritual: Three aspects of communicative interactions in the courtroom. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 5–27. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/1

Введение

Как отмечает Й. Хейзинга, «в процедуре, разворачивающейся перед лицом судьи, во все времена и при всех обстоятельствах стороны с такой силой, с такой остротой, с такой устремленностью хотят добиться победы, что агональный элемент не может быть здесь исключен ни на мгновение» [1. С. 87–92]. И действительно, если вспомнить нашумевший судебный процесс над актером М. Ефремовым, нельзя не согласиться с нидерландским философом в том, что агональность пронизывает всю систему правосудия, а идея победы затмевает морально-правовой аспект дела. И пусть не всякое судебное заседание можно охарактеризовать такими эпитетами, как «спектакль», «театр абсурда», «фарс», «битва» и т.п., признаки состязания и игры присущи любому судебному процессу, а ритуал является его неотъемлемой составляющей.

В современных социально-гуманитарных исследованиях понятие «агональность» имеет множество интерпретаций: агрессивность [2], речевая

агрессия [3], культуральная форма состязаний [4], конфликт [5], жажда соперничества [6], противоборство [7, 8], борьба с противниками [7], игра [8], ритуал [9, 10] и т.д. (рис. 1). Представляется, что такой разброс интерпретант позволяет выделять различные аспекты, которые служат векторами исследования данного феномена, либо рассматривать их во взаимосвязи.

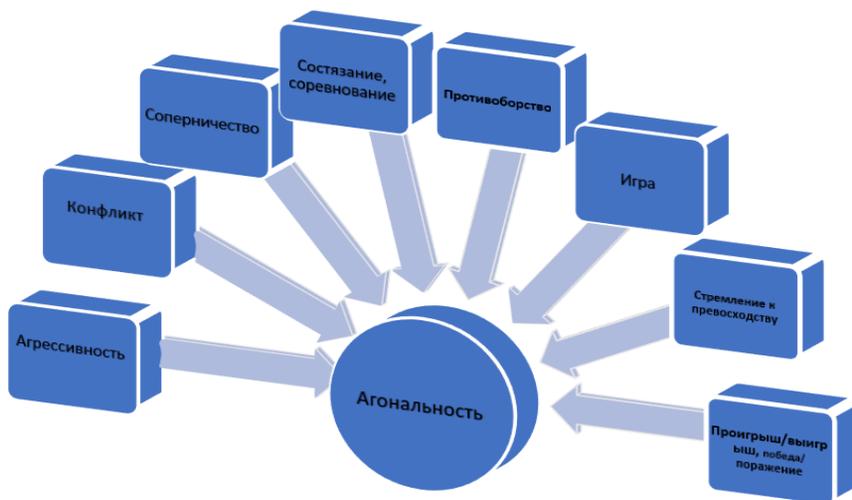

Рис. 1. Векторы интерпретации понятия «агональность»

Агональность неоднократно оказывалась в фокусе внимания исследователей политического дискурса. Так, по мнению Е.И. Шейгал, наряду с ориентацией и интеграцией агональность есть одна из составляющих функциональной триады политического дискурса [8]. О.В. Атьман видит в агональности политической коммуникации «проявление состязательности, конкурентной борьбы, часто – агрессии по отношению к сопернику, поскольку речевое взаимодействие коммуникантов <...> организовано вокруг конфликта целей его участников» [9]. Следует отметить, что исследователи не всегда связывают агональность с проявлением агрессии и нетолерантности. Примером неагрессивного типа интеракций, по мнению Е.И. Шейгал и В.В. Дешевой, служит игровая агональность, направленная на реализацию гедонистических целей [11]. Определяя агональность как компонент политического дискурса, Е.В. Сапрыкина отмечает, что «политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе является совокупностью речевых жанров, в центре обозначенного полевого строения находятся те жанры, которые способствуют основному назначению политического дискурса – борьбе за сохранение и укрепление власти» [12]. О.Ф. Русакова и В.М. Русаков справедливо полагают, что агональный дискурс «становится господствующим в политическом коммуникативном пространстве», особенно интенсивно проявляя себя «во время идеологических и информационных битв, перерастая в дискурс

вражды и ненависти» [13. С. 10]. Интенциональная база политических дискурсивных практик, по мнению Я.А. Волковой и Н.Н. Панченко, концентрируется вокруг борьбы за власть, что «накладывает отпечаток на выбор стратегии и тактики коммуникативного взаимодействия» [14. С. 164].

В последнее время в российском научном поле появился целый ряд работ, в которых авторы обращаются к теме агональности в судебных дискурсивных практиках. Так, анализируя состязательную природу судебного дискурса, И.М. Васильянова говорит о высокой степени его ритуальности, структурированности и регламентированности. Принцип состязательности «заключается в активном отстаивании сторонами перед судом своей точки зрения» [15. С. 7]. В.В. Богомазова отмечает, что агональность судебного дискурса связана с «намерением участвующих в судебном процессе оппозиционных сторон (адвоката – прокурора) победить в сложившемся споре» [16. С. 36], а агональный характер коммуникации проявляется в виде несовместимости мнений процессуальных оппонентов и их равноправия перед судом [16. С. 36]. А.А. Солдатова рассматривает агональность как компонент судебной речи, поскольку исход дела всегда определяется в терминах «проигрыш» и «выигрыш» [17. С. 8]. И.В. Палашевская полагает, что в основе агональности судебной коммуникации лежит не идея правоты или неправоты, а представление о победе или поражении. Автор детально проанализировала категорию агональности в судебном дискурсе и пришла к выводу, что схема агонального взаимодействия реализуется в судебном дискурсе как спор равных сторон, организуемый и разрешаемый независимым арбитром по заранее установленным правилам дискурса [18]. В работе О.А. Крапивкиной агональность рассматривается через призму теории прототипов и определяется как прототипический признак судебных дискурсивных практик. Автор анализирует три типа агональности – дискуссионную, конфронтативную и игровую – и заключает, что агональность обнаруживает свойства, связанные с объективной природой судебных дискурсивных практик, задается относительно автономно, независимо от личностей участников судебного процесса [19].

В настоящей работе *предметом* рассмотрения выступает агональность как комплексная категория судебной коммуникации, исследуемая в трех аспектах: суд как состязание, суд как игра и суд как ритуализированное пространство. *Методологическим субстратом* послужила концепция Й. Хейзинги. Выдвигается *предположение*, что состязательный, людический и ритуальный аспекты агональности взаимосвязаны и в совокупности определяют сущность коммуникативного взаимодействия в зале суда. С целью верификации данной гипотезы были исследованы тексты судебного дискурса на русском и английском языках, что позволило исключить влияние системных аспектов конкретного языка. Исходя из выдвинутой гипотезы, в исследовании решаются следующие *задачи*:

1) на основе признаков, присущих судебным дискурсивным практикам, описать аспекты коммуникативного взаимодействия в зале суда и установить связь между ними;

2) используя метод интерпретативного анализа, выявить стратегии, с помощью которых актуализируются аспекты агонального взаимодействия в русскоязычном и англоязычном судебном дискурсе;

3) используя метод количественного анализа, определить частотность применения стратегий агонального коммуникативного взаимодействия в зале суда и языковых единицах, участвующих в их актуализации;

4) выявить общие закономерности агонального взаимодействия в двух разных лингвокультурах.

Материалом исследования послужили авторские стенограммы судебных заседаний, видео которых размещены на канале [youtube.com](https://www.youtube.com), а также стенограммы судебных заседаний, размещенные на сайте [famous-trials.com](https://www.famous-trials.com) и ряде русскоязычных сайтов, отобранные с помощью приема сплошной выборки. Американский вебсайт [famous-trials.com](https://www.famous-trials.com) содержит стенограммы судебных разбирательств, получивших широкую известность в СМИ, в том числе благодаря речевым практикам обвинителя и защитника, использовавшим широкий спектр дискурсивных стратегий и тактик. Отсутствие подобной коллекции стенограмм в русскоязычном виртуальном пространстве заставило нас обратиться к эмпирическому материалу, размещенному на видеохостинге [youtube.com](https://www.youtube.com), а также к судебным материалам (защитительные речи, обвинительные речи, протоколы допросов), размещенным на других российских сайтах. Основным критерием отбора был период, к которому относятся используемые материалы, поскольку в фокусе исследования находились сопоставимые по времени тексты, в которых очевидным образом проявляются анализируемые аспекты агонального взаимодействия. Предпринятое на материале двух разноструктурных языков исследование позволило выявить общие закономерности речевого поведения в зале суда.

Суд как состязание

Как когда-то заявил немецкий правовед Р. Иеринг, «в борьбе обретишь ты право свое!». Как и в любом социальном пространстве, в юридическом поле «ведется борьба за навязывание определенного способа мировидения и миропонимания» [9. С. 151]. Принимая форму вербального состязания, борьба в зале суда основывается на стремлении к победе, а судебная тяжба – это всегда «спор о справедливости и несправедливости, вине и невиновности, о победе и поражении» [1. С. 63]. В основе состязательности – ведущего принципа коммуникативного взаимодействия в зале суда – лежит «идея достижения юридического результата через столкновение субъектов» [20]. «Судебный спор – это акт человеческого общения, борьбы, при котором между сторонами спора происходит противодействие воле, а победу в споре присуждает судья или присяжные заседатели. Участники такого спора оказывают воздействие, непосредственно и взаимно влияют друг на друга ради того, чтобы добиться поставленных целей» [21].

Как показал анализ эмпирического материала, основными стратегиями экспликации состязательности в дискурсе обвинения и защиты являются

дискредитация (речевые действия, направленные на *подрыв авторитета* оппонировавшей стороны или *доверия* к доказательствам, предоставляемым оппонировавшей стороной), опровержение (речевые действия, направленные против тезиса оппонировавшей стороны с целью *установления факта его ложности*) и возражение (речевые действия, направленные на отрицание тезиса оппонировавшей стороны, *выражение несогласия* с точкой зрения процессуального оппонента). Приведем примеры:

Защитник: *А можете конкретно пояснить?*

Обвинитель: *Я не желаю пояснять, я вас отсылаю к надлежащему процессуальному документу, который здесь есть. И я полагаю, что здесь не место и не время задавать, так сказать, экзаменовать как следователя, так и участвующего прокурора.*

Защитник: *То есть вы считаете, что голословность...*

Обвинитель: *Вы сейчас только этим и занимаетесь (5).*

Прокурор эмоционально реагирует на просьбу адвоката пояснить основания избрания меры пресечения в отношении подсудимого. Конфликтность как один из признаков агональности проявляется в использовании негативно окрашенных лексических средств: *не желаю, не место и не время, только этим и занимаетесь*. Прокурор пытается дискредитировать доказательственную базу стороны защиты, ставя под сомнение компетентность и профессионализм адвоката. Лексема *голословность* указывает на использование стороной защиты непроверенных фактов. Другой пример:

Защитник: *Вы уже привлекались в качестве подозреваемого в деле об убийстве С.*

Обвинитель: *Причастность свидетеля проверялась компетентными органами и никакой причастности к убийству свидетеля не установлено (1).*

Фрагмент демонстрирует использование двух стратегий. Стратегия *опровержения* направлена на установление факта ложности заявления адвоката. Прокурор стремится подвергнуть сомнению сведения адвоката о личности свидетеля обвинения, а сторона защиты – *дискредитировать* свидетеля и подорвать доверие к доказательственной базе, на которой строится обвинение. Пример из англоязычного корпуса:

Defense attorney: *Only words, no other evidence.* [Одни слова. Никаких доказательств]

Prosecutor: *The words are the testimony of the victim, they are evidence (7).* [Слова – свидетельские показания потерпевшего, они являются доказательствами]

Защита строится на *дискредитации* доказательств, представленных стороной обвинения. Если в высказывании адвоката лексема *words* (слова) имеет негативную коннотацию «недостоверность», то прокурор, используя стратегию опровержения, утверждает, что слова имеют силу доказательств, а следовательно, могут быть положены в основу приговора.

В следующем примере защитник возражает против толкования показаний свидетелей, которое предлагает государственный обвинитель, и опровергает факт наличия в них обвинительного содержания. В данном фрагменте также актуализируется комбинация стратегий состязательности:

Защитник: Абсолютное искажение показаний свидетелей, которые были вызваны по нашему ходатайству... они как раз показывают о фактах определенных, об обстоятельствах, на которых основывалось вот это мнение Орлова... Там чистое оправдательное содержание (4).

В судебном дискурсе стратегия возражения часто актуализируется с помощью перформативных конструкций: *Objection! I object. Ваша честь, протестую! Возражаю, Ваша честь.*

Прокурор: Ваша честь, я считаю недопустимым данный вопрос в связи с тем, что свидетель упомянул о данном деле только во взаимосвязи ее разговора с Эстемировой...

Защитник: *Возражаю, Ваша честь. Дело в том, что для высказывания Орлова были существенные основания, и Орлов сейчас задал вопрос абсолютно в процедуре допроса свидетеля (4).*

Будучи арбитром состязания, судья либо удовлетворяет, либо отклоняет протест, используя следующие перформативы: *Sustained / Overruled / Протест принят / Протест отклонён.*

Как показал анализ, основными коммуникативными причинами заявления протеста являются следующие нарушения, допускаемые процессуальными оппонентами:

1) нарушение постулата количества (вопрос оппонента является наводящим или на него уже был получен ответ допрашиваемого):

Prosecutor: *Now, Mr. Sanders, have you also written a book about the Yippies?* [Итак, мистер Сандерс, Вы тоже написали книгу о членах Молодежной международной партии?]

Defense attorney: *Leading, objection (8)* [Наводящий вопрос. Протестую]

2) нарушение постулата релевантности (вопрос оппонента не относится к существу рассматриваемого дела):

Prosecutor: *And if he had been bleeding at 10:00 o'clock, 10:15 or 10:30 that night, you wouldn't know that either, would you, sir?* [Если бы он истекал кровью в 10:00, 10:15 или 10:30 той ночью, Вы бы тоже об этом не знали, не так ли, сэр?]

Defense attorney: *Objection. Irrelevant (7).* [Протестую. Не имеет отношения к делу]

3) нарушение постулата качества (вопрос оппонента содержит утверждение о факте, который не подтверждается имеющимися в деле доказательствами; свидетель не обладает достаточными знаниями, чтобы ответить на вопрос; вопрос предлагает свидетелю угадать ответ):

Prosecutor: *And if someone was in their home looking north, he should have been able to see you, isn't that right?* [И если бы кто-нибудь оказался в их доме и посмотрел в северном направлении, он должен был увидеть Вас, не так ли?]

Defense attorney: *Objection, calls for speculation.* (8) [Протестую. Требуется предположений]

Prosecutor: *How did you describe the way he looked?* [Как бы Вы описали его внешность?]

Defense attorney: *Objection. Hearsay* (7). [Протестую. Домыслы]

4) нарушение постулата способа изложения (вопрос оппонента сформулирован недостаточно четко, является двусмысленным):

Prosecutor: *Do you want to say anything else?* [Вам есть что добавить?]

Defense attorney: *Object to the form.* (7) [Возражаю против формы постановки вопроса]

Анализ русскоязычного и англоязычного эмпирического материала (23 англоязычные стенограммы и 23 русскоязычные стенограммы судебных заседаний) выявил общие тенденции в использовании стратегии возражения российскими и американскими защитниками и обвинителями (рис. 2, 3) и показал, что наибольшее количество протестов связано с нарушением постулата количества (37% в русскоязычном дискурсе и 32% в англоязычном дискурсе) и постулата релевантности (35,7% в русскоязычном дискурсе и 39,5% в англоязычном дискурсе). Значительно реже протест заявляется на нарушение оппонентом постулата способа изложения (12% в русскоязычном дискурсе и 15,5% в англоязычном дискурсе) и постулата качества (15,3% в русскоязычном дискурсе и 12% в англоязычном дискурсе).

Количественный анализ эмпирического материала позволил выявить процентное соотношение стратегий дискредитации, опровержения и возражения в русскоязычных и англоязычных дискурсивных практиках обвинения и защиты (рис. 4, 5).

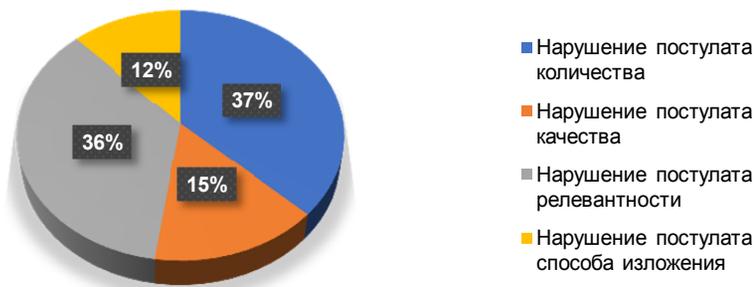

Рис. 2. Процентное соотношение коммуникативных причин заявления протестов в русскоязычном дискурсе

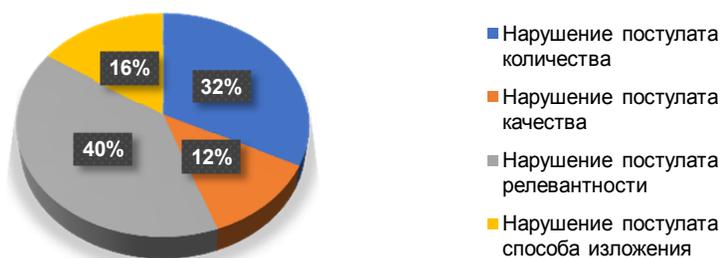

Рис. 3. Процентное соотношение коммуникативных причин заявления протестов в англоязычном дискурсе

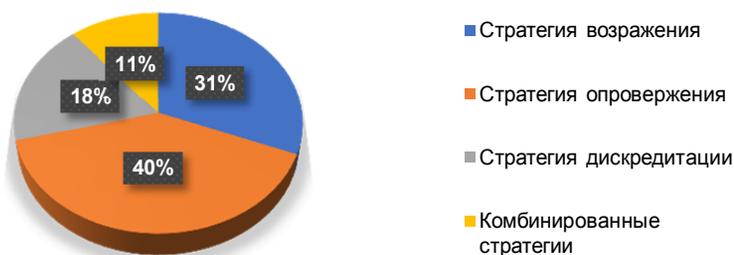

Рис. 4. Процентное соотношение стратегий состязательности в англоязычном дискурсе

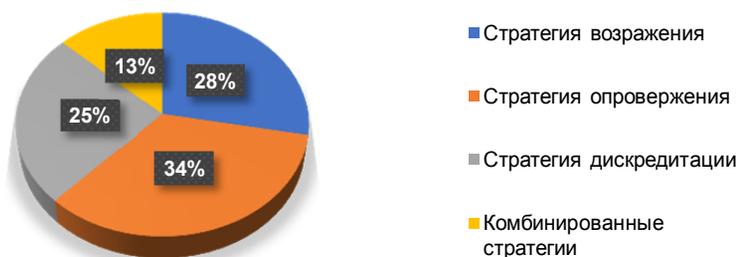

Рис. 5. Процентное соотношение стратегий состязательности в русскоязычном дискурсе

В условиях состязательного взаимодействия доминирующими в обеих лингвокультурах оказались стратегии опровержения и возражения. Стратегия дискредитации использовалась реже как российскими, так и американскими обвинителями и защитниками. В анализируемом эмпирическом материале было выявлено 54 и 67 употреблений данной стратегии в англоязычном и русскоязычном дискурсе соответственно, в то время как стратегия опровержения использовалась 120 раз в англоязычном корпусе и 91 раз в русскоязычном. Комбинированные стратегии (дискредитация + опровержение, дискредитация + возражение, опровержение + возражение) так-

же были обнаружены в ходе анализа, однако их частотность является достаточно низкой как в русскоязычном, так и в англоязычном дискурсе. Таким образом, как показал анализ эмпирического материала, две разные лингвокультуры не оказывают существенного влияния на ключевые параметры состязательного взаимодействия в зале суда и выбор стратегий реализации агональных интенций.

Суд как игра

Признаки судебной коммуникации (участники, арбитр, цель, правила, сценарий, сценарность и зрелищность) позволяют рассматривать ее как игру, участниками которой являются стороны процесса («суд как азартная игра» [1]), что позволяет выделить юридический аспект коммуникативного взаимодействия в зале суда. Игра, как справедливо отмечает А.В. Олянич, «есть не что иное, как базовый концепт человеческого поведения (behavioral concept), который оказывается основанием для выстраивания в человеческом сознании картин мира» [22. С. 189]. *Homo ludens* создает дискурсивное пространство, отбирая с этой целью такие знаки, которые необходимы для конструирования той или иной версии реальности.

Идея сравнения судебной деятельности и права в целом с игрой восходит к работе Й. Хейзинги *Homo ludens*, в которой философ показывает, что проявления правовой реальности непосредственным образом наблюдаются в играх, имеют много общего с игровыми практиками. «Мы, однако, уже не раз убеждались, что священному и серьезному действию ни в коей мере не противопоказана игровая окраска. Возможность родства между игрою и правом делается для нас очевидной, как только мы замечаем, что правовая практика – другими словами, судопроизводство, независимо от того, какие идеалы положены в основание права, – носит в высшей степени состязательный характер. Но кто говорит “состязание”, говорит “игра”. <...> Как игровое качество, так и качество состязательности, – возносимые оба в сферу священного, как того требует для свершения правосудия всякое общество, – до сих пор пронизывают самые различные формы правовой жизни» [1. С. 85]. Идея сравнения судебного разбирательства и игры лежит и в основе исследования Н.В. Андрианова, который определяет судебный процесс как трансцендентальную языковую игру, конститутивные правила которой формально направлены на выяснение истины и перевода конфликтов в юридическую плоскость, а фактически обеспечивают не достижение истины, а определение победителя, разрешая конфликт через его обострение [23].

Роль правил в судебном споре очевидна: «...судебное поле представляет собой упорядоченное социальное пространство, в котором и через которое происходит преобразование конфликта непосредственно заинтересованных сторон в юридически регламентированные прения между профессионалами, ведущими дело по доверенности и разделяющими знание и признание правил юридической игры, то есть писаных и неписаных законов поля» [24]. Соблюдение правил является презумпцией любой игры. Всту-

пая в игру, участники соглашаются следовать ее правилам. Как отмечает Й. Хейзинга, при нарушении правил «все здание игры тотчас рушится» [1. С. 29]. Однако в судебном поле данная презумпция имеет свою специфику, поскольку не все участники судебного процесса принимают на себя это обязательство добровольно, а ведь именно свобода, добрая воля, согласно Й. Хейзинге [1], являются ключевым признаком игры.

Обратимся к другим признакам сходства судебного процесса и игры. Борьба обвинителя и защитника (*участников, игроков*) происходит на глазах зрителей (*зрелище*), которые присутствуют в зале суда (*на игровом поле*). Присяжные и судьи (*арбитры*) определяют победителя и обеспечивают соблюдение участниками правил игры. Победа заключается в выигрыше (*цель*), материальном или моральном удовлетворении от сыгранной роли [19. С. 18]. Добавим, что судебный процесс – это стратегическая игра, в которой каждый игрок знает цель, которую он преследует, и понимает, к каким последствиям может привести выбор той или иной стратегии, какое воздействие на адресата (присяжных, судью) окажет выбранная им стратегия. Игрок всегда принимает решение на основе информации, которой он располагает и которая имеет свойство меняться в процессе игры.

Аналогию между судом и игрой можно проследить на лингвосомиотическом уровне. Анализ русскоязычного материала, привлеченного для исследования, показал, что наиболее частотными языковыми знаками, характеризующими судебные интеракции как игру, являются *арбитр, жюри, марафон, победа, проигрыш, выигрыш, ход, win, lose, winner, jury, referee*. Приведем пример

Защитник: Судебное заседание – это... многомесячный длительный **марафон**. Мы, представители государственного обвинения и защитники, будем спорить друг с другом, оспаривать те или иные положения... А вы в этом марафоне будете нас судить. Вы будете **арбитрами** (2).

Адвокат использует стратегию метафоризации с целью актуализации закреплённых в сознании ассоциаций, которые способствуют пониманию сути судебного процесса как спортивной игры и роли присяжных как арбитров в этой игре.

Частотность употреблений языковых знаков, актуализирующих людическую природу судебного дискурса, приведена в табл. 1, 2.

Таблица 1

Частотность употреблений языковых знаков, актуализирующих людическую природу судебного дискурса (на материале русского языка)

Знак	Количество употреблений
Жюри	17
Арбитр	16
Победа	16
Проигрыш	11
Выигрыш	6
Ход	2

Частотность употреблений языковых знаков, актуализирующих людическую природу судебного дискурса (на материале английского языка)

Знак	Количество употреблений
Jury	25
Victory	17
Win	13
Lose	11
Winner	9

Очевидно, что языковые знаки, актуализирующие людическую природу судебного дискурса, повторяются в русскоязычных и англоязычных текстах, что позволяет сделать вывод о существовании общих закономерностей лингвосомиотического описания людического аспекта судебного состязания в двух разных лингвокультурах.

Людический аспект коммуникативного взаимодействия отчетливо проявляется и на уровне игры с языковыми знаками, имеющими размытую семантику. Приведем пример

***Обвинитель:** Вы обвиняете **непосредственно** Кадырова... в совершении убийства Эстемировой?*

***Защитник:** Что значит «**непосредственно**»? Уважаемый прокурор, что такое «**непосредственно**»? Самолично? Вот лично, он исполнителем был этого убийства? (4)*

Разногласия у адвоката и прокурора вызывает семантика наречия «непосредственно». Данный знак обладает манипулятивным потенциалом, и его намеренное использование помогает склонить суд на свою сторону, поскольку позволяет соотнести с той интерпретантой, которая соответствует выбранной линии игры.

Другой стратегией игровой агональности, которая была выявлена в эмпирическом материале и на русском и на английском языке, является использование поэтических форм. Будучи формой игры, поэзия остается на грани развлечения, находясь по ту сторону серьезного [1]. Приведем фрагмент защитительной речи адвоката Павла Астахова:

*Скажите правду, вымолвят уста.
Ведь правда здесь одна, она пред нами:
Он невиновен – оправдать его
Задача общая, не только наша с вами
А общества российского всего! (1).*

Российский адвокат, представляя интересы американского гражданина, нарушил жанровые нормы судебной речи, используя поэтические приемы. Следует обратить внимание на лингвокультурное различие: если в российском судопроизводстве такие творческие вкрапления являются достаточно редкими, то в американском дискурсе агенты более активно ис-

пользуют поэтические формы (см. Irvin v. Smith, Joe Hand Promotions v. Sports Page Cafe, United States v. One 1976 Ford F-150 Pickup, Helton v. State и т.д.). Так, в судебном процессе по делу Mackensworth v. American Trading Transportation Co. (367 F. Suppl. 373) все профессиональные участники (адвокат, прокурор и судья) продемонстрировали поэтическое мастерство. Приведем фрагмент речи судьи:

*A seaman, with help of legal sages,
Sued a shipowner for his wages.
The defendant, in New York City
(Where served was process without pity)
Thought the suit should fade away,
Since it was started in Pa... (9).*

Представляется, что в таких незначительных, с точки зрения закона, делах современная игровая культура позволяет юристам использовать разного рода поэтические приёмы, пренебрегая законами жанра (правилами игры) [25]. Участник коммуникации обладает высокой степенью творческой свободы, сопровождаемой выбором неожиданных для противника игровых стратегий и коммуникативных ходов [26].

Суд как ритуализированное пространство

Ритуализация, как отмечает В.И. Карасик, в различной степени присуща всем типам дискурса и выражается в виде особой коммуникативной тональности, подчеркивающей сверхценность определенной ситуации [27. С. 401]. Ритуальные действия, разворачиваемые в рамках коммуникативной ситуации, компоненты которой, как отмечает М.Г. Извекова, «приобретают особый символический смысл и имеют тенденцию к закреплению в особых ритуальных знаках» [28. С. 2]. В сравнении с рядом других типов дискурсивных практик в судебной коммуникации ритуальность является наиболее жесткой и характеризуется целым набором схем построения, знание которых необходимо для эффективного взаимодействия участников. Ритуальность судебных интеракций находит отражение в последовательности совершения речевых действий в пространственно-временном континууме, фиксированной статусно-ролевой структуре, сценарном распределении ролей, протокольно заданном расположении участников (зал суда – «подлинное теменос, освященное место <...> магический круг, игровое пространство» [1. С. 86]. На ритуальность указывают символическость действий (стук судейского молотка, вставание перед появлением и уходом судьи, принесение присяги) и одежда судьи («судьи до сих пор уходят из «обыденной жизни», прежде чем приступить к отправлению правосудия. Они облачаются в мантию или, скажем, надевают парик» [1. С. 86]). Даже черный цвет мантии имеет символическое значение, подчеркивая беспристрастность, статус и авторитет власти судьи.

Выраженный символизм ритуала направлен на подчеркивание особого статуса участников судебного процесса, а также акцентирование коммуни-

кативного приоритета лица с более высоким институциональным статусом – судьи. В судебном заседании слушатели сидят ниже судьи, который возвышается над залом, что подчёркивает его особую роль в судебном процессе. Пространство зала заседания играет роль театральной сцены. Места зрителей расположены напротив сцены, а места сторон защиты и обвинения противопоставлены друг другу и находятся слева и справа от сцены, что представляет собой «ритуализованный конфликт в форме магического поединка» [29. С. 221].

Ритуальный дискурс, как справедливо отмечает И.В. Палашевская [18], является детерминированной системой, состояние которой определяется законами, описывающими переходы от одних действий к другим. Профессиональные участники судебного процесса (судья, обвинитель и защитник) пользуются статусным превосходством в зале суда, являются носителями ритуальных ролей, посвящёнными в таинство происходящего. Вступая в судебный процесс, они «уже имеют представление о нарративе ритуала, их задача в процессе – посредством творческого применения заранее определённых ритуальных практик добиться желаемого исхода дела. Происходящее по своей сути и направленности является подобием магических практик архаического человека» [18. С. 23–24]. Остальные участники судебного разбирательства (подсудимый, свидетели, эксперты, потерпевшие) в обязательном порядке проходят обряд инициации (предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний, разъяснение прав и т.п.). Ниже приведены примеры актуализации ритуальной стратегии инициации подсудимого перед дачей показаний.

Judge: Mr. Simpson, you have the right to remain silent. If you give up the right to remain silent, anything you say can and will be used against you in a court of law. You have the right to speak to an attorney and to have an attorney present during the questioning. If you so desire and cannot afford one, an attorney will be appointed for you without charge before questioning. Do you understand your rights? (7). [Мистер Симпсон, Вы имеете право хранить молчание. Если вы откажетесь от этого права, все, что Вы скажете, может быть использовано против Вас в суде. У Вас есть право на адвоката и его присутствие во время допроса. Если Вы не можете нанять собственного адвоката, перед допросом Вам будет предоставлен государственный защитник. Вам понятны Ваши права?]

Процесс инициации присяжных заседателей как в российском, так и в американском судебном процессе начинается с оглашения судьей текста присяги. Приведем пример из русскоязычного корпуса:

Приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, торжественно клянусь исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку (9).

После оглашения данного текста присяжные поочередно произносят «клянусь» (ритуальный перформатив), становясь частью сакрального действия, разворачивающегося в зале суда.

К ритуализированным стратегиям, получившим распространение в судебном поле, следует также отнести стратегии инициации начала и окончания судебного заседания, заявления ходатайств, отводов и протестов, обращения к участникам судебного процесса. Все они сопровождаются ритуальными формулами, которые усваиваются участниками дискурсивного экспертного сообщества в процессе обучения и профессиональной деятельности. Приведем пример из русскоязычного корпуса.

Судья: *Имеются ли у кого из сторон обвинения и защиты отводы к кому-либо?*

Обвинитель: *Нет.*

Защитник: *Да. Ваша честь, отводу подлежит представитель потерпевшего Красенков Андрей Анатольевич (4).*

Символика ритуала видится как в строгой последовательности речевых действий (первым дает ответ сторона обвинения), так и в использовании ритуальных речевых формул, которые сопровождают судебный процесс. Другими словами, ритуал предполагает жесткое повторение всех предписанных действий и не допускает вариантов, сводится к трафаретным, клишированным компонентам коммуникации, отражая внешнюю форму поведения участников коммуникации [18]. Следует согласиться с И.В. Палашевской в том, что в Англии непрерывности традиций, символов и церемониалов судебного дискурса придается большее значение [18]. Полагаем, что англосаксонское происхождение американской правовой системы очевидным образом манифестируется в судебных дискурсивных практиках, которые сохраняют английские традиции судебной коммуникации, придавая огромное значение непрерывности церемониалов и сохраняя язык права, насыщенный архаичными терминами и устойчивыми формулами.

В ходе анализа эмпирического материала был выявлен целый ряд формул, которые актуализируют ритуальные стратегии, используемые участниками судебного разбирательства. Для иллюстрации приведем некоторые из них:

1) инициация: *This court is now in session. Court is in recess. All rise for the court! All rise! Please state your first and last name for the record / Прощу всех встать, суд идет! Судебное заседание объявляется открытым. Объявляется состав суда. Объявляется перерыв. Суд удаляется на совещание. Назовите свое полное имя;*

2) заявления: *Objection. – Overruled / Sustained. Возражаю, Ваша честь. – Возражение принято. Возражения имеются? – Возражений нет. У сторон есть ходатайства? – Ходатайствую о... Отводы имеются? – Отводов нет;*

3) обращения: *Ваша честь / Your Honor, Ladies and gentlemen of the jury, Respectful jury members / Уважаемые присяжные заседатели.*

Заметим, что если в американском судебном процессе инициация свидетелей осуществляется посредством присяги (*Do you swear that the testimony you will give in this case will be the truth, the whole truth and nothing but the truth, so help you God? - Yes, I do*), то в России свидетелей предупреждают об ответственности за дачу ложных показаний (*Вы не вправе уклоняться от явки в суд, давать заведомо ложные показания и отказываться от дачи показаний*), что накладывает, как представляется, менее серьезный эмоциональный отпечаток, поскольку навязывается извне, судом, который сообщает, что ложь может иметь серьезные правовые последствия.

Как показал количественный анализ эмпирического материала, результаты которого представлены на рис. 6 и 7, заявления и обращения являются наиболее частотными ритуальными стратегиями как в русскоязычном (76 и 54 употребления соответственно), так и в англоязычном (98 и 67 употреблений соответственно) дискурсе. Стратегия инициации встречалась несколько реже (20 употреблений в русскоязычном корпусе и 25 употреблений в англоязычном) в силу ее использования лишь на отдельных этапах судебного разбирательства (в начале и в завершение судебных действий).

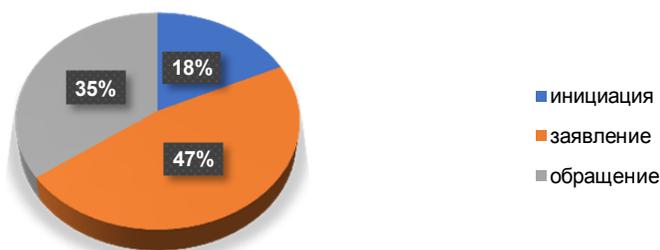

Рис. 6. Процентное соотношение ритуальных стратегий в русскоязычном дискурсе

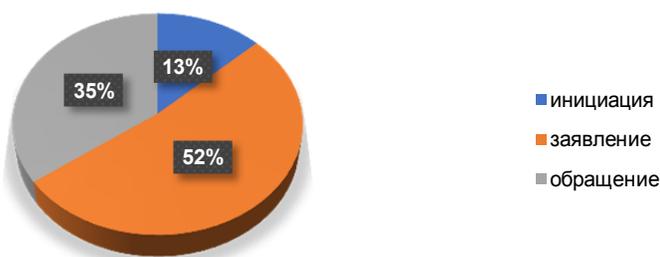

Рис. 7. Процентное соотношение ритуальных стратегий в англоязычном дискурсе

Правила – еще один неотъемлемый элемент ритуальности. Они охватывают порядок судебных действий и предполагают сценарную упорядоченность коммуникативного взаимодействия [18]. Как пишет А.В. Олянич, «для того, чтобы ритуальная коммуникация состоялась (была реализована), необходим некий алгоритм, которому будут подчиняться процессы

коммуникации ритуализованного типа... Вербальный компонент как наиболее вариативная часть ритуала... лимитирован максимумами «возможного и невозможного» [22. С. 73–77]. Нарушение правил в игре и состязании делает их результат ничтожным, а «ритуальный характер процесса столь чётко сформирован, что процессуальные ошибки могут привести к пересмотру дела» [29. С. 24]. Судебное состязание подчиняется как универсальным правилам общения (постулатам принципа кооперации, правилам рациональной аргументации, принципам вежливости), которые отражают состязательный и людический аспекты судебной коммуникации, так и специальным нормам, определяющим ритуализованный порядок коммуникативного взаимодействия в зале суда (правила обращения к участникам процесса, заявления протестов и отводов, предупреждения об ответственности и т.п.).

Таким образом, сохранение ритуалов, приверженность им в зале суда не только помогают закрепить авторитет судебной власти и освящают процесс отправления правосудия, но и, как справедливо полагает И.В. Палашевская, устанавливают дистанцию между профессиональными и непрофессиональными участниками судебной коммуникации [18]. Устойчивые ритуальные формулы, выполняющие декоративную роль, затрудняют процесс коммуникативного взаимодействия для непрофессионала и облегчают его для участника юридического сообщества, хорошо знакомого со спецификой трафаретной коммуникации в зале суда.

Заключение

На основе выявленных характеристик коммуникативного взаимодействия в зале суда была реализована цель описания ключевых аспектов агональности. Такие признаки судебного разбирательства, как противостоящие стороны, арбитр, цель, результат (победа), позволили выделить *состязательный аспект* дискурсивных практик обвинения и защиты. Были выявлены основные стратегии, используемые обвинителем и защитником в условиях состязательного взаимодействия. Проведенный корпусно-ориентированный дискурсивный анализ установил, что доминирующей стратегией как в русскоязычном, так и в англоязычном дискурсе является стратегия опровержения.

На эмпирическом материале было продемонстрировано сходство судебного разбирательства с игровыми практиками (участники, арбитр, сценарность и зрелищность, наличие цели и правил). *Людический аспект* коммуникативного взаимодействия в зале суда нашел отражение в таких игровых стратегиях, как манипуляция языковыми знаками и использование поэтических приемов.

Было показано, что *ритуальность* судебных дискурсивных практик находит отражение как на вербальном, так и на невербальном уровне (использование перформативных ритуальных формул, последовательность совершения речевых действий, фиксированная статусно-ролевая структу-

ра, сценарное распределение ролей, протоколно заданное расположение участников). Процедуры инициации, заявления ходатайств, протестов и отводов и обращения к участникам процесса указывают на ритуальный характер судебных интеракций. Используемый корпусный инструментарий дал возможность выявить наиболее частотные ритуальные стратегии в дискурсивных практиках на материале двух языков.

Корреляция трех аспектов агональности и обнаруженных дискурсивных стратегий их актуализации представлена на рис. 8.

Рис. 8. Стратегии актуализации ключевых аспектов агональности судебных интеракций

Представляется, что все аспекты агональности – состязательный, людический и ритуальный – взаимосвязаны:

- 1) состязание является признаком игры, а игровые элементы – неотъемлемая характеристика любого состязания как продукта культуры;
- 2) состязание, игра и ритуал регламентируются заранее установленными правилами;
- 3) состязание и игра нацелены на победу, предполагают не менее двух участников;
- 4) ритуал является неотъемлемой составляющей как игры, так и состязания, определяя сущность сакрального действия, формальной целью которого является восстановление справедливости, а фактической – выявление победителя.

Предпринятое на материале двух разноструктурных языков исследование позволило выявить общие закономерности агонального коммуника-

тивного взаимодействия в контексте судебных разбирательств в двух разных лингвокультурах, верифицировать гипотезу исследования, исключая влияние системных аспектов конкретного языка. Как показал анализ, конкретная лингвокультура не оказывает существенного влияния на ключевые параметры речевой деятельности и выбор стратегий состязательного, людического и ритуального взаимодействия, что позволяет говорить о высоком межкультурном потенциале агональности как комплексной категории судебной коммуникации.

В настоящей работе были рассмотрены только основные дискурсивные процессы, обеспечивающие требование репрезентативности. Частные и случайные явления, непрототипические ситуации агонального дискурсивного взаимодействия не менее интересны и заслуживают дальнейшего исследования. Перспективным представляется исследование агональной природы взаимодействия в непрототипической ситуации сговора стороны обвинения и стороны защиты. Другим примером могут служить коммуникативные ситуации во время сталинских политических судебных процессов, в которых отсутствовали состязательность и игра как признаки судебной коммуникации, однако сохранялась ее ритуальность.

Поскольку выявленные стратегии агонального взаимодействия в зале суда не исчерпывают соответствующего потенциала, дальнейшее исследование может расширить представленный в работе перечень и заложить теоретический фундамент для построения лингвистической теории агональности как комплексной категории коммуникативного взаимодействия в условиях реализации разнонаправленных интенций.

Источники примеров

1. *Защитительная речь* Павла Астахова. URL: <https://www.newsru.com/russia/01dec2000/astah.html>
2. *Стенограмма* судебного заседания по делу Л. (авторская запись).
3. *Стенограмма* заседания Ленинского районного суда г. Тюмени от 15.09.2009. URL: https://www.ssa-rss.ru/files/File/court15_09_09.pdf.
4. *Стенограмма* судебного заседания по уголовному делу о клевете в отношении Р. Кадырова. URL: <http://old.memo.ru/uploads/files/651.pdf>
5. *Стенограмма* по делу Ласточкина от 17.02.2014 г. URL: <https://www.zakonia.ru/site/257804/sudebnye-zasedaniya>
6. *Стенограмма* по делу Я. (авторская запись).
7. *Courtroom transcript*. O.J. Simpson's Case. URL: <http://famous-trials.com/simpson>
8. *Courtroom transcript*. The Chicago Eight Conspiracy Case. URL: <https://famous-trials.com/chicago8/1362-edsanderstestimony>
9. *Mackensworth v. American Trading Transportation Co.* URL: https://setiathome.berkeley.edu/forum_thread.php?id=79171
10. *Уголовно-процессуальный кодекс РФ*. URL: <http://consultant.ru>

Список источников

1. *Хэйзинга Й.* Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М. : Айрис-Пресс, 2003. 416 с.

2. *Михальская А.К.* Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. М. : Academia, 1996. 192 с.
3. *Синельникова Л.Н.* Дискурс власти: от легитимизации до манипуляции // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Филологические науки. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 10–15.
4. *Плетников В.В.* Агональность как тип состязательности: характеристика и существенные черты // Социум и власть. 2017. № 4 (66). С. 116–121.
5. *Карасик В.И.* Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2007. Вып. 5. С. 78–86.
6. *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб. : Гос. Эрмитаж: Алетейя, 1998. 431 с.
7. *Пиевская И.М.* Системные отношения религиозного дискурса (на материале английского и русского переводов «Книги псалмов») : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 175 с.
8. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 432 с.
9. *Сидоренко А.В.* Реализация агональности в современном англоязычном деловом дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 1 (3). С. 150–157.
10. *Атьман О.В.* Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 96–102.
11. *Шейгал Е.И., Дешеева В.В.* Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2009. № 34 (172). С. 145–148.
12. *Сапрыкина Е.В.* Структура речевого действия «обвинение» в рамках парламентского дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2007. № 15 (93). С. 128–132.
13. *Русакова О.Ф., Русаков В.М.* Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс-Пи. 2015. № 1 (18). С. 10–15.
14. *Волкова Я.А., Панченко Н.Н.* Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 4. С. 161–178.
15. *Васильянова И.М.* Особенности аргументации в судебном дискурсе : автореф. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 17 с.
16. *Богомазова В.В.* Взаимосвязь агональности и категории чуждости в судебном дискурсе // Известия ВГПУ. 2014. № 10 (95). С. 35–40.
17. *Солдатова А.А.* Речевые стратегии и тактики адвокатского дискурса в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013. 20 с.
18. *Палашевская И.В.* Судебный дискурс: функции, структура, нарративность. Волгоград : Парадигма, 2012. 310 с.
19. *Кративкина О.А.* Агональность как прототипический признак судебных дискурсивных практик // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 15 (4). С. 15–19.
20. *Ветютнев Ю.Ю.* Игровая концепция судебной процедуры // Современное право. 2009. № 11. С. 12–19.
21. *Шубин Д.А.* Искусство побеждать в суде: Применение теории военного искусства адвокатом при ведении дела в суде. М. : Перо, 2019. 270 с.
22. *Олянич А.В.* Драматургия ритуальной коммуникации (лингвосемиотический аспект) // Язык. Культура. Коммуникация: Изучение и обучение : материалы I Международной научно-практической конференции. Орел, 2016. С. 71–78.
23. *Андрянов Н.В.* Судебный процесс как трансцендентальная языковая игра // Naukarus. URL: <http://naukarus.com/sudebnyy-protsess-kak-transtsendentalnaya-yazykovaya-igra>

24. Бурдьё П. Власть права: основы социологии юридического поля. URL: <http://gtmarket.ru/labor-atory/expertize/3040>
25. Крапивкина О.А. Опыт анализа дискурсивных практик как форм социального взаимодействия (на материале судебных Телешоу) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 21–30.
26. Казакова А.А. Особенности агональной коммуникации в судебно-юридическом дискурсе // VIP Studio. Серия: Гуманитарные исследования. 2018. Август. URL: <http://www.vipstd.ru/index.php/en/series-humanities-sciences/series-humanities-sciences-2018/humanities-sciences-2018-august/3756-hum-2018-08-26>
27. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
28. Извекова М.Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 204 с
29. Ягофарова И.Д. Судебный процесс как ритуал власти // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 4 (57). С. 21–24.

References

1. Huizinga, J. (2003) *Homo Ludens. Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens. Articles on the history of culture]. Translated from English. Moscow: Ayris-Press.
2. Mikhal'skaya, A.K. (1996) *Russkiy Sokrat: leksii po sravnitel'no-istoricheskoy ritorike* [Russian Socrates: lectures on comparative historical rhetoric]. Moscow: Academia.
3. Sinel'nikova, L.N. (2015) Discourse of power: from legitimisation to manipulation. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Filologicheskie nauki – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*. 1 (67), 4. pp. 10–15. (In Russian).
4. Pletnikov, V.V. (2017) Agonality as a type of competition: characteristics and essential features. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 4 (66). pp. 116–121. (In Russian).
5. Karasik, V.I. (2007) Discursive personology. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda – Language, Communication and Social Environment*. 5. pp. 78–86. (In Russian).
6. Andreev, Yu.V. (1998) *Tsena svobody i garmonii. Neskol'ko shrikhov k portretu grecheskoy tsivilizatsii* [The price of freedom and harmony. A few touches to the portrait of Greek civilization]. Saint Petersburg: State Hermitage Museum; Aleteyya.
7. Pievskaya, I.M. (2006) *Sistemnye otnosheniya religioznogo diskursa (na materiale angliyskogo i russkogo perevodov "Knigi psalmov")* [System Relations of Religious Discourse (On the Material of English and Russian Translations of the Book of Psalms)]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
8. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena.
9. Sidorenko, A.V. (2015) Agonism realization in modern English business discourse. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Bulletin of Pushkin Leningrad State University*. 1 (3). pp. 150–157. (In Russian).
10. At'man, O.V. (2011) Verbalization of self-presentation strategy in presidential election debates as agonal genre of US political discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (35). pp. 96–102. (In Russian).
11. Sheygal, E.I. & Deshevova, V.V. (2009) Agonal'nost' v kommunikatsii: struktura ponyatiya [Agonality in communication: the structure of the concept]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Iskusstvovedenie – Bulletin of Chelyabinsk State University. Series Philology. Art criticism*. 34 (172). pp. 145–148.
12. Saprykina, E.V. (2007) Struktura rechevogo deystviya "obvinenie" v ramkakh parlamentskogo diskursa [The structure of the speech action "accusation" within the

framework of parliamentary discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Iskusstvovedenie – Bulletin of Chelyabinsk State University. Series Philology. Art Criticism*. 15 (93). pp. 128–132.

13. Rusakova, O.F. & Rusakov, V.M. (2015) Agonistic discourse of modern politics of memory. *Diskurs-Pi – Discourse-P*. 1 (18). pp. 10–15. (In Russian).

14. Volkova, Ya.A. & Panchenko, N.N. (2016) Destructiveness in political discourse. *Vestnik RUDN Seriya: Lingvistika – RUDN Journal of Linguistics*. 20 (4). pp. 161–178. (In Russian).

15. Vasil'yanova, I.M. (2007) *Osobennosti argumentatsii v sudebnom diskurse* [Features of argumentation in the court discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.

16. Bogomazova, V.V. (2014) Correlation of agonality and the category of strange in the court discourse. *Izvestiya VGPU – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 10 (95). pp. 35–40. (In Russian).

17. Soldatova, A.A. (2013) *Rechevye strategii i taktiki advokatskogo diskursa v ugolovnom protsesse* [Speech strategies and tactics of lawyer discourse in criminal procedure]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.

18. Palashevskaya, I.V. (2012) *Sudebnyy diskurs: funktsii, struktura, narrativnost'* [Court discourse: functions, structure, narrativity]. Volgograd: Paradigma.

19. Krapivkina, O.A. (2018) Agonality as a prototypical feature of courtroom discursive practices. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*. 15 (4). pp. 15–19. (In Russian).

20. Vetyutnev, Yu.Yu. (2009) *Igrovaya kontseptsiya sudebnoy protsedury* [The game concept of the judicial procedure]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 11. pp. 12–19.

21. Shubin, D.A. (2019) *Iskusstvo pobezhdat' v sude. Primenenie teorii voennogo iskusstva advokatom pri vedenii dela v sude* [The art of winning in court. The application of the theory of military art by a lawyer in the conduct of a case in court]. Moscow: Pero.

22. Olyanich, A.V. (2016) [Dramaturgy of ritual communication (linguosemiotic aspect)]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: Izuchenie i obuchenie* [Language. Culture. Communication: Studying and learning]. Proceedings of the 1st International Conference. Orel: Orel State University named after I.S. Turgenev. pp. 71–78. (In Russian).

23. Andrianov, N.V. (2012) *Sudebnyy protsess kak transtsendental'naya yazykovaya igra* [Trial as a transcendental language play]. Naukarus. [Online]. Available from: <http://naukarus.com/sudebnyy-protsess-kak-transtsendentalnaya-yazykovaya-igra>

24. Bourdieu, P. (n.d.) *Vlast' prava: osnovy sotsiologii yuridicheskogo polya* [Power of law: fundamentals of the sociology of the legal field]. Translated from French. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/labor-atory/expertize/3040>

25. Krapivkina, O.A. (2017) Analysis of discourses as forms of social interaction (A case-study of court shows). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 21–30. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/46/2

26. Kazakova, A.A. (2018) *Peculiarities of agonal communication in law discourse*. VIP Studio. [Online] Available from: <http://www.vipstd.ru/index.php/en/series-humanities-sciences/series-humanities-sciences-2018/humanities-sciences-2018-august/3756-hum-2018-08-26>

27. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.

28. Izvekova, M.G. (2006) *Pragmalingvisticheskie kharakteristiki ritual'nogo diskursa* [Pragmalinguistic characteristics of ritual discourse]. Philology Cand. Diss. Volgograd.

29. Yagofarova, I.D. (2018) Trial as a ritual of power. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" – Herald of Omsk University. Series "Law"*. 4 (57). pp. 21–24. (In Russian).

Sources

1. *Pavel Astakhov's speech for the defense*. [Online] Available from: <https://www.newsru.com/russia/01dec2000/astah.html>.
2. *Transcript of the court session in the case of L*. Author's recording.
3. *Transcript of the session of the Leninsky District Court of Tyumen*. September 15, 2009. [Online] Available from: https://www.ssa-rss.ru/files/File/court15_09_09.pdf.
4. *Transcript of the court session in the criminal case of libel against R. Kadyrov*. [Online] Available from: <http://old.memo.ru/uploads/files/651.pdf>
5. *Transcript of the Lastochkin case*. February 17, 2014. [Online] Available from: <https://www.zakonia.ru/site/257804/sudebnye-zasedaniya>
6. *Transcript in the case of Ya*. Author's recording.
7. *Courtroom transcript. O.J. Simpson's Case*. [Online] Available from: <http://famous-trials.com/simpson>.
8. *Courtroom transcript. The Chicago Eight Conspiracy Case*. [Online] Available from: <https://famous-trials.com/chicago8/1362-edsanderstestimony>
9. *Mackensworth v. American Trading Transportation Co*. [Online] Available from: https://setiathome.berkeley.edu/forum_thread.php?id=79171
10. *Code of Criminal Procedure of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://consultant.ru>

Информация об авторе:

Богинская О.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2 института лингвистики и межкультурной коммуникации Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия).

E-mail: olgaa_boginskaya@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.A. Boginskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: olgaa_boginskaya@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.09.2020;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 28.09.2020;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 22.04.2022*